

***Мальков Валентин Михайлович
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "
род. 11.03.1938г.,г. Ленинград.***

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЯ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Я появился на свет раньше срока. Врачи рекомендовали оставить меня в роддоме - не доживу. Перспектива - быть заспиртованным экспонатом. Мама не согласилась. Три месяца я лежал в вате и грелках, не подавая голоса и... выжил.

Моя мама, Татьяна Васильевна Тимофеева, родилась 16 января 1912года в небольшой деревушке Монастырьки, Ямбургского уезда, в имении немецкого барона фон Бритвица. Бабушка, Степанида Гурьяновна Андреева, была безземельная и работала в имении поденщицей - мыла полы и стирала. Январь месяц был очень холодным. Барон распорядился дать лошадей и тулуп. Маму отвезли крестить в ближайшую церковь и назвали её в честь святой Татьяны.

У бабушки было трое детей, кода она овдовела. Вышла замуж за вдовца с двумя детьми. Новый муж был, как говорили, "справным" хозяином: дом был под железом, лошадь, скот, сам был грамотным и дружил со священником. После революции, в период коллективизации, председатель местного комбеда подвел их семью под раскулачивание.

Маму в 12 лет пристроили в город Ленинград, в няни, в семью инженера. Инженер имел неработающую жену, двух маленьких дочек и "держал" кухарку. Няня была обязана гулять с девочками, стирать их вещи и чисто мыть посуду.

Мама с моим отцом, Мальковым Михаилом Степановичем, в браке не состояла. У них была дочь Людмила. Когда я родился, Людмиле шел пятый год, а отец уже с ними не жил.

Когда началась война, мы с сестрой отдыхали в деревне Нахково, у бабушки. Мама срочно приехала и повезла нас домой в Ленинград. Железнодорожную станцию Копорье уже бомбили, и она горела.

В Ленинграде мы жили на Гатчинской улице, в комнате на шестом этаже. Немцы быстро наступали и в сентябре месяце Ленинград был окружён. Началась блокада. Подступала холодная и голодная зима, но мы об этом ещё ничего не знали. Ввели продовольственные карточки. Карточки были для работающих, для детей и для иждивенцев. Для всех были разные нормы хлеба и других продуктов. Часто эти продукты заменялись на другие суррогатные продукты. Голод подступал всё ближе и ближе. Я ещё ходил в детский сад и помню, как воспитательница выдавала нам по сухарю, а остальные в мешке клала на верх печки - голландки, чтобы мы не достали.

Мама моя работала продавцом в магазине, так как другой специальности у неё не было. И когда многие магазины позакрывались, в том числе и магазин, где работала мама, она устроилась работать в столовую при больнице для дистрофиков.

Всё население при выходе на улицу было обязано носить противогазы. Опасались, что немцы могут применить отравляющие вещества - газы. Мама вытащила из корпуса начинку и могла спрятать в него ложку каши для меня. Сестра Люда запирала меня в комнате одного и шла к маме на свидание, где они обменивались противогазами. Один раз она не утерпела и, незаметно для себя, по капельке съела по дороге домой эту ложку каши. Конечно, она потом очень плакала, что оставила меня без этой еды. Мама, конечно, очень старалась сделать так, чтобы мы выжили.

В подвале нашего дома были сарайчики, в которых держали всякое барахло, в том числе и дрова. Отопление было печное, но к тому времени у всех стояли, так называемые "буржуйки". Это сделанные из листового железа печки на ножках, а труба выводилась на улицу через окно. Печка быстро нагревалась и отдавала тепло в комнату, на ней всегда стоял чайник с водой. Однажды мама заметила, что кто-то проникает в сарайчик и берёт дрова. Ей пришлось все дрова перенести в комнату, на шестой этаж. Лифт уже не работал. В эту холодную зиму люди жгли мебель, книги, всё, что могло дать тепло. Водопровод уже не работал и мама с Людой на саночках ездили на Неву к проруби за водой. Было холодно, скользко, а подниматься в гору и по ступенькам сил, от постоянного недоедания, было мало. Люди от истощения падали и умирали на ходу.

Немцы устраивали ночные налёты на город и сбрасывали фугасные и зажигательные бомбы. Фугасные бомбы были тяжелые, пробивали несколько этажей и взрывались со страшной силой внутри. Рушились дома, и погибали люди. Зажигательные бомбы были поменьше и пробивали только крыши и загорались на чердаке. Они были начинены фосфором, который водой не тушится. На крышах и чердаках по очереди дежурили дружинники и жильцы дома. Эту бомбу хватили железными клещами и клали в железные ящики с песком и засыпали. Я думаю, это было опасно и страшно. Ночь, вой сирен, гул самолётов, лучи прожекторов, пляшущих по небу, и свист падающих на тебя бомб, и ты на крыше почти один, ослабевший от голода человек.

Единственной связью с внешним миром было радио. На улицах были установлены причудливой формы репродукторы, оповещающие людей о воздушной тревоге и о важных правительственных сообщениях. В домах у людей висели круглые, как крышки от кастрюль, черные бумажные диффузоры, усиливающие звук - это было радио. Оно всегда было включено, и метроном отсчитывал удары. Когда он замолкал, то все ждали экстренных сообщений. По радио сообщали приказы по городу, обстановку на фронтах, воздушную тревогу. Когда раздавался сигнал воздушной тревоги, мама нас одевала, брала документы, и мы быстро спускались вниз, в бомбоубежище. Бомбоубежище располагалось под домом в кочегарке, которая не работала. Там сидя, прижавшись друг к другу, переживали это время. Все

важные сообщения озвучивал Левитан. По радио читали свои стихи Бергольц, Ахматова, звучала музыка Прокофьева.

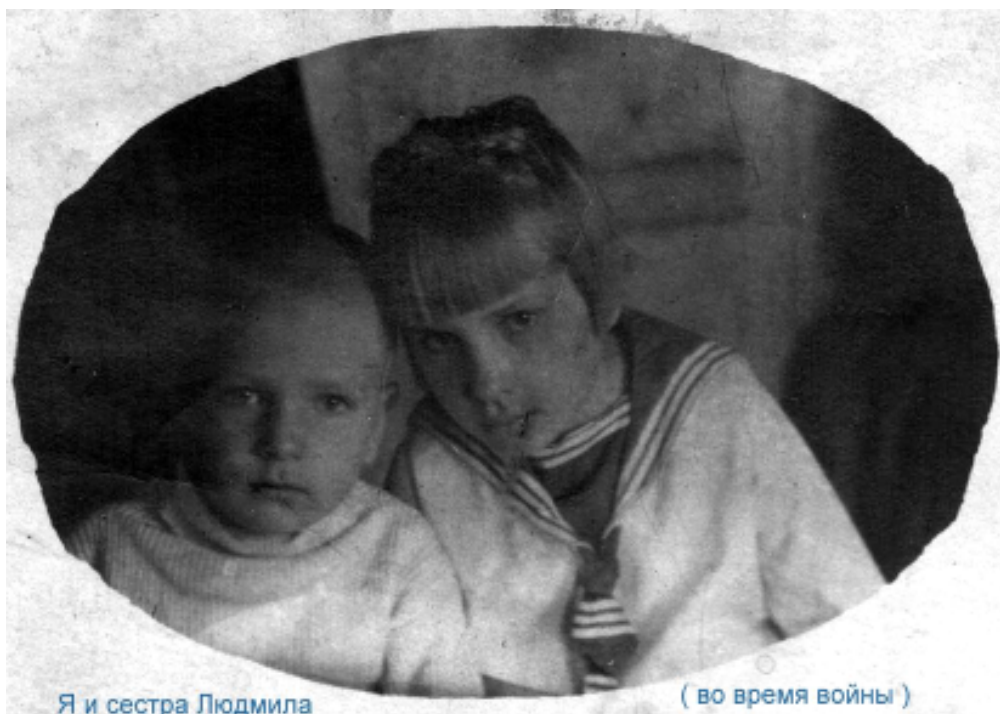
Я не могу помнить, чем нас мама питала и какой вкус, так называемого "хлеба", но я хорошо помню, что такое "дуранда". Это было лакомство, которое можно продлить на долгое время. Это были плитки льняного или подсолнечного жмыха. Их можно было грызть и мусолить, и было вкусно и сытно. Однажды мама принесла желеобразную массу. Это был "холодец" из столярного клея. В другой раз сырую картофелину. Ёе помыли и разрезали поперёк на тонкие пластики и поджарили прямо на плите-буржуйке. Это был праздник. Чай заваривали всем, чем можно, а вместо сахара был сахарин. Так мы пережили страшную зиму, а летом был издан приказ, по которому матери с двумя детьми подлежат эвакуации. Мама не хотела, но пришлось подчиниться, так как сказали, что не выдадут продовольственных карточек. Мама собрала нас, взяла все необходимое и ценное, что у неё было - это ручную швейную машинку. Мы были доставлены на Финляндский вокзал. Нас провожала тётя Ганя (Агафя) Рыднина, родственница по отцовской линии. На вокзале нас накормили пшённой кашей и выдали хлеб. Одну пайку мама отдала тёте Гане. Повезли на поезде к Ладожскому озеру. Там наши вещи погрузили в баржу (это такая пустая плавучая ёмкость для песка или угля), а поверху разместились как могли люди. Эти баржи(2-3 штуки) гуськом тащил буксир. Как только отплыли от берега, в воздухе появились немецкие самолёты. Они начали бомбить наш караван. Тут же прилетели наши истребители и завязался воздушный бой. Было очень страшно, но наш караван дошел до берега без потерь. На другой стороне озера нас ожидал "500-от весёлый поезд". Так называли товарный состав, где вагоны были оборудованы нарами. Мы ехали несколько суток. В поезде нам выдали пайки. Там, я помню, было даже сгущенное молоко. Поскольку люди были истощены, то все набросились на еду. Последствие не пришлось долго ждать. Когда останавливался состав, то все выскакивали наружу и справляли свою нужду у состава. Почти всех мучила диарея. Нас привезли в Кировскую область.

После некоторых мытарств, мы стали жить в Сосновке, что на берегу реки Вятки. Мама работала в магазине, сестра Люда ходила в школу, а я в детский сад. Мама в свободное от работы время шила на машинке женщинам платья и юбки, а

так же "бурки" Эта такая обувь. Она кроилась из двух кусков материи, а между ними слой ваты. Всё это простёгивалось (прошивалось) и потом сшивалось. Получался такой мягкий сапог, на который одевали резиновую галошу. Было тепло и сухо.

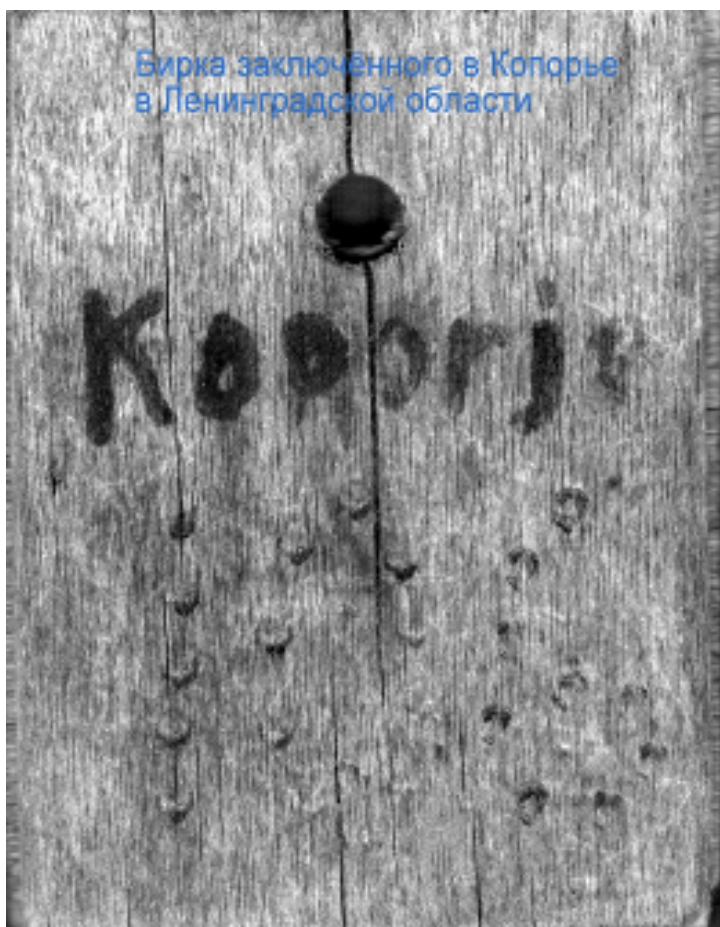
Жили мы в частном доме, нанимали комнату. Жизнь моя по тем меркам была нормальной. Но мне, ребенку, хотелось еще чего-то. У меня не было игрушек, у меня не было санок, чтобы прокатиться с большой горы. Я слышал про самое "сладкое слово - халва", я мечтал о том что, когда закончится война, мама мне сделает "целую миску винегрета", а самая реальная мечта- "шаньга, шанежка". Так у местного населения называлась наша ватрушка, только она была из ржаной муки и вместо творога - картофельное пюре, но такая замечательная хрустящая корочка.

Так мы жили некоторое время, пока не сняли блокаду с города Ленинграда. Мама решила вернуться домой, в город Ленинград, но это сделать было непросто - эвакуированных там, мягко говоря, "не ждали". В городе надо было прописаться. На каком основании и где? Приехать могли только нужные на работе специалисты, по вызову предприятия, на котором они трудились раньше. В городе было очень много домов разрушено. И, естественно, не у всех желающих вернуться сохранилось жильё, в котором можно было жить. А у многих эвакуированных в их квартирах жили другие люди, которые не уезжали из Ленинграда, а их дома были разрушены. И власти города заселили бездомных в уцелевшие квартиры. Мама сначала устроилась работать на швейную фабрику, в пригороде Ленинграда, а нас пристроила к тёте Гане. Дирекция её фабрики разрешила временно пожить. Потом сходила к управдому дома, где мы раньше жили, и оказалось, что наша комната занята женщиной из разрушенного дома, причем, с такой же фамилией. Маме в прописке отказали. Но в этом доме была квартира на первом этаже, в которой была пустая коната 12 кв.м. Окно этой комнаты выходило во двор, а через полтора метра ваш взгляд упирался в стену соседнего дома-"петербургский колодец". Стёкол в окне не было, дверей в комнате тоже. Мама уговорила управдома, и тот сумел нас туда прописать. Окно забили фанерой и привесили старые двери. Так мы снова были в Ленинграде. Здесь мы встретили день Победы. Это было 9 мая 1945 года. Мне исполнилось семь лет. Летом этого года мама отвезла меня и сестру Люду в деревню Ильмово Кингисеппского района (бывший Ямбургский уезд) к бабушке Серафиме и дедушке Дмитрию. Это были родственники мужа моей бабушки Степаниды. Её муж Тимофей и дедушка Дмитрий были родные братья.

Этим же летом из Латвии вернулась моя бабушка с младшей дочерью Людмилой. Во время войны весь этот район был занят немцами. Бывший председатель комбеда при немцах стал старостой и стал опять притеснять бабушку. Он забрал её среднюю дочь Нину в лагерь в Копорье, где согнали местную молодёжь для отправки на работу в Германию. Нина убежала и вернулась домой в Нахково. Так староста снова пришёл за ней и сказал, что если Нина не вернётся в лагерь сама, то их всех расстреляют. А позже отправил бабушку с маленькой Людмилой

батрачить в Латвию. Деревню Нахково немцы сожгли. Когда пришли наши войска старосту поймали, судили и расстреляли.

Этим летом я долго был у бабушки, что даже пришлось 1 сентября пойти в местную школу. Первый класс я заканчивал в Ленинграде. Летом мы с мамой поехали к дяде Косте в Кёнигсберг. Дядя Костя был морской офицер и военный инженер. Он ремонтировал военные корабли. С ним мама познакомилась ещё в Сосновке, где на Вятке был завод по ремонту военных катеров. Когда наши войска взяли Кёнигсберг, то дядю Костю перевели работать на Морской завод этого города. Приехав туда, мы ещё застали немецкое гражданское население. Это были, в основном, женщины, дети и старики. Завод был на окраине города. Мы жили в большой комнате 2-х этажного 4-х квартирного коттеджа с палисадником. Внизу был подвал, а за коттеджем был сад. Это были коттеджи для инженерного персонала завода (при немцах). Мама устроилась работать в магазин продавцом, Я был свободен и проводил время со своими сверстниками из этого дома, Светой и Женей.

К нам приходила немка делать уборку и готовить обед. Первого сентября я пошёл в школу, во второй класс. Школа была в городе, и нас туда возили заводским автобусом. Учился я неважно, связался с беспризорниками (их в то время было много). И вот летом следующего года мама мне предложила поехать погостить к отцу в Брест.

Своего отца я увидел в первый раз, когда он демобилизовался и заехал к своей сестре, Александре Степановне. Я учился тогда в первом классе и после уроков садился на двенадцатый трамвай и ехал по всему Невскому проспекту до 2-ой Советской улицы к тётке Шуре. Так было и в этот раз. Когда началась война, отец со своей женой, Марией Григорьевной, дочерью Людмилой (ей было два года), матерью, Евдокией Прохоровной (она всегда на лето приезжала к сыну), жил в Витебске. Отца мобилизовали. Мария Григорьевна работала бухгалтером на небольшом предприятии. При приближении немцев, она всей семьёй на подводе выехала из города на восток. Подъехали к большой реке и увидели, что на ту сторону переправы нет. Наши войска при отступлении мост взорвали. Вся масса беженцев вернулась назад. Так они оказались в оккупации. В их дом попала бомба и бабушку (Евдокию Прохоровну) контузило. Чтобы кормить семью Мария Григорьевна устроилась работать медсестрой в немецкий госпиталь. А что делать в такой ситуации? Двухгодовалая дочь на руках и больная свекровь, а есть и пить надо. Когда освободили Витебск, Марию Григорьевну арестовали за пособничество немцам.

Повидавшись с сестрой и братом, отец уехал выручать свою семью из беды. Я приехал к отцу погостить, а попал на перевоспитание. Кончилась моя вольница. Подступала школьная пора. Мне идти в третий класс, а сестре - во второй, но нам пришлось срочно из города уезжать. Отец мой работал в единственном ресторане города шеф - поваром. Всё городское начальство обедало и устраивало загулы там. Одно должностное лицо сообщило отцу, что на Марию Григорьевна пришёл запрос о её прошлом, и поэтому рекомендуется из города уехать.

Нас, детей, отправили к родителям Марии Григорьевны в шахтерский посёлок Огарёвка. Там я отучился третий класс, и был принят в пионеры. Родители устроились в городе Ржеве. Во Ржеве я учился в хорошей школе. В четвертом

классе у заслуженной учительницы, награжденной орденом Ленина, Серафимы Георгиевны Спасской, а в пятом классе у учительницы математики и классном руководителе Марию Ивановну Гусевой. Шестой и седьмой классы заканчивал в городе Калуге. Это была 9-ая мужская школа им. Циолковского К.Э. В 1952 году я поступил в Калужский машиностроительный техникум. В 1953 году в марте скончался "дорогой и родной нам всем" т. Сталин И.В. Только после его смерти, дочь Малькова Людмила Михайловна добилась реабилитации матери, Мальковой Марии Григорьевны.

В 1956 году я закончил техникум и "покинул отчий дом". Уехал по распределению в город Подольск на машиностроительный завод тяжелого машиностроения. Так началась самостоятельная жизнь. Мне тогда было уже восемнадцать лет.

Работа, служба в армии, женитьба. У меня две дочери и сын, три внука и две внучки. Я был женат дважды. Теперь я вдовец. Я прожил со второй женой, Макаровой (Совейко) Инной (Иннаис) Петровной двадцать шесть лет и не могу не рассказать её историю. Она была малолетней узницей. Когда началась война, вся семья проживала в Белоруссии в небольшом местечке Нарушево Освейского района. Отца мобилизовали. Уже осенью 1941 года немцы хозяйничали повсюду. Почти всех евреев в Освее (Освейская трагедия) расстреляли, а это население половины города. Население по деревням согнали в одно место, и там детей отделили от матерей и держали отдельно. Дети были донорами, у них брали кровь для армии. Инне было полтора года. Взрослых угнали под Лугу Ленинградской области. В Лужском районе действовали партизаны. Они напали на концлагерь и освободили людей.

**ПАСВЕДНАННЕ АБ НАРАДЖЭННІ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ**

№ 10812

Гр. - нка. Савейка
Гр. Інна Івановна
(Імя і імя па бацьку - імя і адчество)

нарадаўся (дася) адна імяна зробіўсям саракавога года
родзіся (дася) Інна Івановна 14/11/40
(показваць сасвамі і літбамі год, м-ц і чысла - проішчаю і дзёнь нараджэння, месяц і чысла)

аб чым у кнізе запісаў актаў грамадзянскага стану аб нараджэнні за 1940 г. 28 чысла
о чым в кнізе запісаў актаў грамадзянскага стану аб нараджэнні за 1937 г. чысла

Іюлі месяца зробілі адпаведны запіс, акт А-7
месяца произведена соответствующая запись

Бацькі
Родители

Бацька Савейка Іван Іванавіч
Отец (проішча, імя і імя па бацьку - фамилия, імя і адчество)
Матка Казлова Івановна Івановна
Мать (проішча, імя і імя па бацьку - фамилия, імя і адчество)

Месца нараджэння дзіцяці
Место рождения ребенка

горад, раён Савейскі рэспубліка, край БССР
горад, раён
вёска, акруга Віцебскі
сёленне Нарушова вобласць, акруга
сёленне Савейкаўскі вобласць, акруга

Месца рэгістрацыі Савейкаўскі в. Савейкі
Место регистрации

Зап. бюро ЗАГС
Завед. бюро ЗАГС Раўна
Справавод А. Шаўкешыц
Дэлеправадзіцель

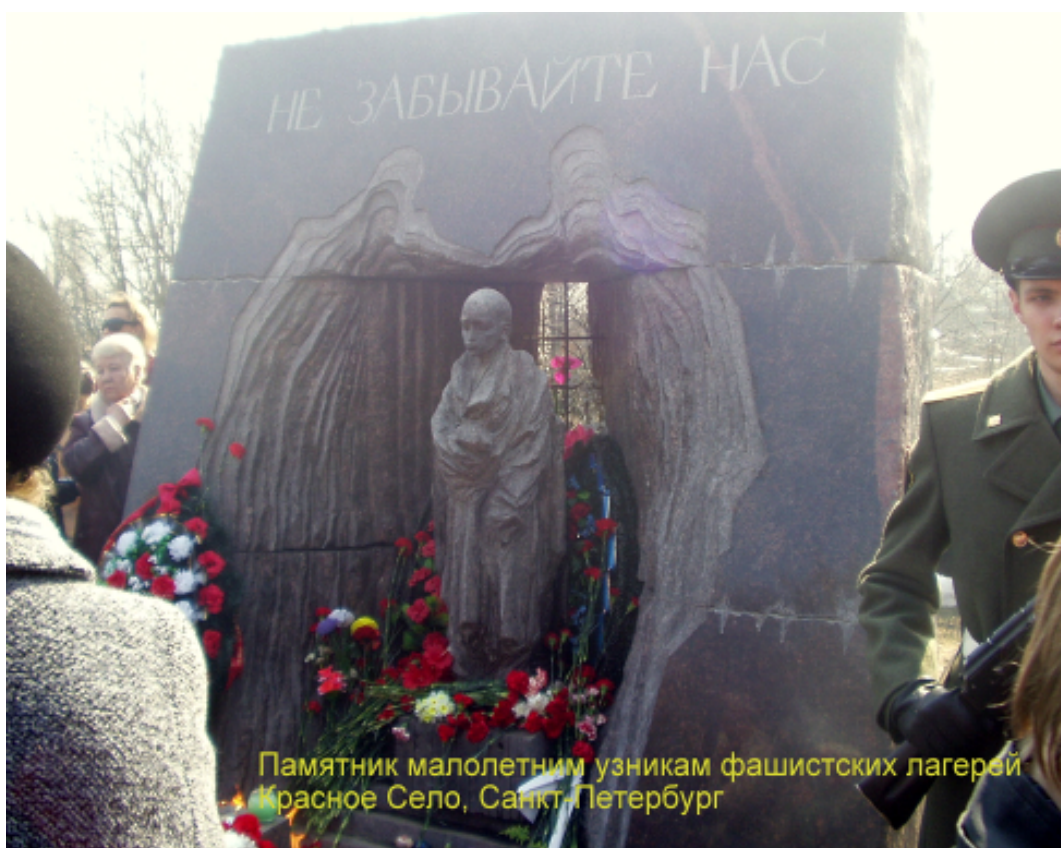
М. П.

Дедушка и бабушка остались в партизанском отряде. Сестра отца, Юзефа, молодая девушка, стала партизанской связной. А мама Инны- Татьяна пошла по занятой врагом территории разыскивать свою малолетнюю дочь. На это не всякая мать решиться!? Она нашла её на территории Латвии, в Стренче, в семье местного мельника. Немцы раздали истощенных детей латышам, и те их растили, как будущих работников. Хозяева сняли с ребенка всю одежду и отдали её голышом матери. Мать сняла с себя кофту и завернула в неё ребёнка и быстро ушла. При подходе наших войск прошел слух, что всех угонят в Германию. Опережая события, мама с дочкой (ей помогли наши военнопленные) забрались в товарный вагон и состав пошел в сторону Валмиеры. По дороге на состав налетели наши самолёты и начали его

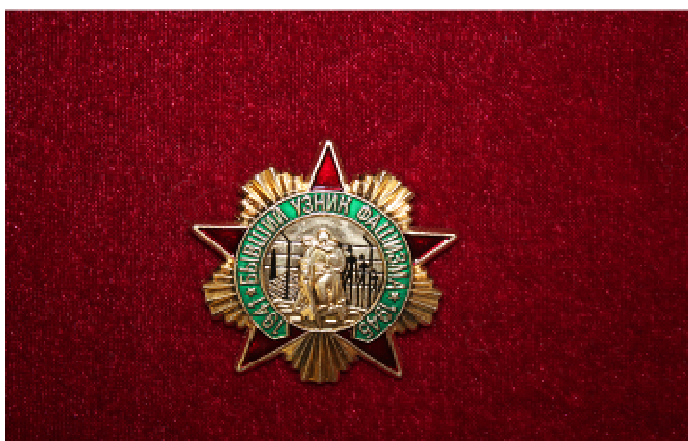
бомбить. Мать и дочь выбрались из вагона и побежали, как могли в спасительный лес. В лесу они просидели двое суток, пока на них не наткнулись наши разведчики.

Со временем они приехали в районный центр Оредеж Ленинградской области, где в райкоме партии работала сестра мужа, Юзефа Болеславовна Совеико. Мама Инны закончила сельскохозяйственный техникум еще до войны и стала, работать агрономом в совхозе, а затем преподавать биологию в школе, в которой училась Инна.

Уже будучи взрослой оформила документы и вступила в "Общество малолетних узников фашистских лагерей". Участвовала в закладке памятника малолетним узникам в Красном Селе города Ленинграда. К сожалению, всех взрослых, о ком я рассказывал, уже нет с нами.

Памятник малолетним узникам фашистских лагерей
Красное Село, Санкт-Петербург

Мне будет уже 75 лет, я состою в обществе "Жители блокадного Ленинграда" и верю, и надеюсь, что память об этих людях сохранится надолго, благодаря проекту...

14.01.2013-27.02.2013